

Приличные люди в неприличных обстоятельствах

“Кинематограф оттепели” Валерия Фомина

“Работа т.Аскольдова представляется нам интересной и талантливой. Однако дипломантом допущены, на наш взгляд, крупные ошибки как в трактовке произведения, так и в режиссерской работе – в частности в монтаже... Мы убеждены в том, что можно в основном улучшить фильм ценой перемонтажа... Вряд ли следует рассматривать наши предложения как ультимативные. Незачем говорить о недопустимости навязывания режиссуре своих трактовок, своих монтажных ходов... Если нельзя заставить режиссера что-то менять, то и не следует режиссеру-дипломанту принципиально восставать против продуцируемых, ответственных советов старших товарищей”.

Так писали в 1968 году о фильме “Комиссар”, дипломной работе выпускника Высших курсов сценаристов и режиссеров Александра Аскольдова, директор курсов М.Маклярский и художественный руководитель режиссерского отделения Л.Трауберг. В другой казенной бумаге, подписанной только Маклярским, о строптивом дипломанте не находится уже ни одного доброго слова. Значит, интонация первого документа (если у официального документа может быть интонация) – от Трауберга. Сквозь нее явственно читается намерение старого мастера спасти картину и ее автора. Но слишком хорошо знающий на собственном опыте, что такое вмешательство властей в художественный процесс, Леонид Захарович Трауберг усвоил с непреклонностью: сперва надо признать ошибки ученика, а потом уж попытаться помочь, иначе будет еще хуже. Впрочем, не исключено, что еще хуже будет в любом случае – как, собственно, и произошло с “Комиссаром”.

Фильм был закрыт. Режиссер на двадцать лет отлучен от кинематографа – так казалось в 87-м году, когда “полочный” “Комиссар” дождался заслуженного триумфа. Чуть позже выяснилось: не на двадцать лет, на всю жизнь. Александр Аскольдов остался режиссером одного фильма. Больше всего в ту пору Александру хотелось получить Ленинскую премию – от государства, необратимо искорежившего его судьбу. Мы в “Искусстве кино” (я тогда был главным редактором) хотели выдвинуть, но отказались от этого намерения, узнав, что конкурентом Аскольдова станет недавно ушедший Тарковский. Так совпало. Александр перестал со мной разговаривать, хотя до этого мы были в приятельских отношениях. “Комиссара” все же кто-то представил на премию. Получил ее, понятно, Тарковский. По-смертно. А Аскольдов исчез из поля зрения. Кажется, теперь он где-то в Германии.

Документ процитированный выше, опубликован в книге “Кинематограф оттепели”, которую со-

ставил и прокомментировал Валерий Фомин, вот уже много лет упорно и скрупулезно собирающий, систематизирующий свидетельства взаимоотношений советского кинематографа с тоталитарной властью. Один из ее драматических сюжетов, лично мне близкий, я позволил себе продолжить, вывести за временные пределы книги – едва ли не вся она может быть таким образом продолжена, в этом, наверное, существенный сегодняшний ее смысл.

Из всех самых разных коллизий, обозначенных документами и свидетельствами, наиболее интересной нынче представляется следующая: как наши ведущие кинематографисты старались сохранить лицо и достоинство, оставаясь при этом в почтительных отношениях с властями. Конечно, “оттепелые”, либеральные годы, однако (и это подтверждает книга) идеологический пригляд продолжал оставаться жестким. Так вот, неприличные поступки, заявления, наотмашь бьющие по конкретным людям, позволяли себе в ту пору лица, в кинематографическом обиходе решительно ничего не значившие. Из тех, кто упомянут, процитирован в книге, помню, пожалуй, только артистку Барабанову – она исполняла роль Кота в детском фильме про Кота в сапогах. Для партийной работы того уровня и накала, какой истою держали Софронов, Кочетов, фигур более крупных, чем Кот в сапогах, советский кинематограф не выдвинул – об этом всегда надо помнить с благодарностью.

И все же, все же... “Я согласен с тем, что в сценарном портфеле студии есть ряд вещей, которые грешат поверхностной “критической наклонностью”, не мобилизуют никого, они спекулируют на модной “критике” недостатков. Наша основная задача – борьба за чистоту идеологического фронта... Годами мы не ставили картин о рабочем классе. Историко-революционная тематика у нас забыта и запущена (Михаил Ромм). “Есть основания у партии рассердиться на художников? Да, тысячу раз есть! Причем все это подается под видом поисков правды, стремления обрушиться на то, что осталось нам в наследство от культуры личности Сталина и прочего бюрократического сталинского управления, а под эту бирку протаскивают просто бесовскую критику или, вернее, бессовестное критиканство всего нашего строя. И вот, как говорят в таких случаях, этот номер не пройдет” (Сергей Герасимов). Понятно, что говорилось это, когда подпирала крайняя необходимость. Что за набором из бессмысленных общих фраз уважаемые мэтры пытались укрыть коллег, товарищей по работе, над которыми нависали вполне конкретные тучи. Иногда удавалось,

иногда – нет. Но как, наверное, мучительно было людям, принадлежавшим к духовной элите, оперировать этой словесной абракадаброй. Как мучительно было потом отдираать маску, чувствуя, что она прирастает к лицу. И когда Сергей Герасимов критиковал, к примеру, Тарковского или Хуциева по принципу: лучше тебя аккуратно поругаю я, чем кто-то другой, кто сделает это куда больнее, – где здесь кончался тактический расчет и начинался цинизм, впрочем, вполне респектабельный?

Но все же, все же! Иван Пырьев – сталинский фаворит, автор лубочных лент про безмерно счастливую колхозную жизнь – вот уж, кажется, на кого могло абсолютно положиться идеологическое начальство. “По единодушному мнению присутствовавших на Коллегии министров культуры союзных республик и многих других товарищей, выступление И.Пырьева являлось образцом разнузданности и невыдержанности”. “Тов. Пырьев недостаточно остро поставил вопрос об ответственности художника перед народом, о серьезном отставании советского киноискусства от требований зрителей”. Это – из закрытых докладов в высокие партийные инстанции. И сердечная благодарность Марлена Хуциева, публичная, прозвучавшая с трибуны, – за подвижническую работу по созданию Союза кинематографистов. Для меня эти документальные строки немало говорят о том, почему творческая жизнь выдающегося мастера завершилась “Братьями Карамазовыми”.

В книге несколько раз с уважением упоминается многолетний секретарь союза Александр Васильевич Караганов. Я не знал о зафиксированной в книге ситуации, когда ему приходилось защищать не кого-нибудь – Марка Донского от политических обвинений, выдвинутых товарищами из ГДР, которые могли дать сто очков вперед самым ортодоксальным отечественным ортодоксам. Но я знаю другую ситуацию. В 67-м году меня довольно шумно, при участии высоких инстанций, сманили с должности в “Комсомольской правде”. Через несколько дней после этого события, разумеется, болезненного, дома зазвонил телефон и раздался голос Александра Васильевича: “Константин, мы вчера на секретариате приняли вас в Союз кинематографистов”.

В сущности, “Кинематограф оттепели” – это книга о приличных людях, которые вынуждены были существовать в неприличных обстоятельствах, но продолжали тем не менее оставаться приличными людьми. История – опять-таки выходящая за пределы сборника и нынче нам вовсе не посторонняя.

Константин
ЩЕРБАКОВ

Курьмура - 21-1-17-1968 - 1-1-17-1968